

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ. (1864 — 1909 г. г.).

Г Л А В А IX ¹⁾.

Практическій опытъ пробы моихъ научныхъ силъ и способностей.—Исслѣдованіе фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ.—Программа изслѣдованія.—Цѣли и задачи его— I. Внѣшняя исторія изслѣдованія.—Пріѣздъ комиссіи въ Сосновицы.—Изученіе фабрикъ вдоль Варшаво-Вѣнской желѣзной дороги.—Исслѣдованіе пограничныхъ фабрикъ.—Мирковская писчебумажная мануфактура.—Калишъ.—Кормчество или контрабанда на границѣ и на фабрикахъ.—Лодзь, Томашово, Варшава и пр. промышленные пункты.—II. Результаты всего изслѣдованія и общіе выводы.—Тѣсная связь развитія польской промышленности съ присоединеніемъ къ Россіи.

Въ пятой главѣ настоящихъ воспоминаній была изложена въ краткихъ чертахъ моя фабрично-инспекторская служба и участіе въ выработкѣ и примѣненіи первыхъ въ Россіи, въ современномъ смыслѣ, фабрично-рабочихъ законовъ. Служба эта, продолжавшаяся пять моихъ лучшихъ лѣтъ, являлась какъ бы практической пробой моихъ силъ и дарованій.

Въ настоящей главѣ, переходя къ другимъ видамъ временныхъ занятій и испытанія моихъ знаній и силъ въ теченіе жизни, я хочу отдать откровенный отчетъ читателю моей автобіографіи о моихъ взглядахъ на практическіе результаты или полезность этой первой пробы моихъ силъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что, какъ извѣстно, ни одна сторона или проявленіе моей дѣятельности не вызвала столь сильныхъ похвалъ и въ то же почти время рѣзкихъ осужденій, какъ именно фабрично-инспекторская ²⁾. Къ сожалѣнію, мнѣ прихо-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ февраль 1911 г.

²⁾ См. по этому поводу многія указанія въ моей книгѣ: „Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора“. Спб. 1907 г.

дится заявить, что въ тѣсно-практическомъ отношеніи, т. е. въ интересахъ благоустройства нашего фабричнаго быта и улучшенія законовъ, моя дѣятельность въ этой области, не смотря на всѣ мои добрыя намѣренія и мечтанія приносить по этому поводу добро, никакой собственно пользы, по всей вѣроятности, дѣлу не принесла, и все шло тѣмъ же рутиннымъ, черепашинымъ ходомъ, какъ было бы, навѣрное, и безъ меня. Конечно, я обладалъ, какъ фабричный инспекторъ, многими знаніями и свѣдѣніями, которыхъ послѣдующіе мои товарищи по инспекціи не имѣли и не имѣютъ. Помимо доступнаго мнѣ матерьяла по фабричному и рабочему вопросу, я имѣлъ счастье изучать его и лично во время многочисленныхъ моихъ посѣщеній за-границы, особенно въ Англіи и Швейцаріи путемъ личнаго знакомства и разспросовъ выдающихся фабричныхъ инспекторовъ этихъ двухъ странъ. Результаты всѣхъ этихъ личныхъ наблюденій и опыта я неоднократно сообщалъ и передавалъ Министерству Финансовъ и своимъ ближайшимъ начальникамъ, главнымъ инспекторамъ Андрееву и Михайловскому. Такъ всевозможные бланки, важные административные акты и подробности инспекторскаго осмотра и практическаго примѣненія законовъ, инспекторскія дорожныя книги, разныя заявленія и т. п. привозились, припоминается мнѣ, въ большомъ количествѣ изъ Англіи и передавались для руководства и свѣдѣнія заинтересованнымъ лицамъ. Но увы! никакого практическаго толка изъ всѣхъ моихъ попытокъ не вышло! Дѣло организациі инспекторскаго контроля и самой инспекціи велось совершенно ощупью, безъ пользованія указаніями чужого опыта и одинаково безъ всякой попытки создать что-нибудь свое. Большинство всѣхъ этихъ важныхъ для условій хорошаго дѣйствія фабричной инспекціи вопросовъ осталось и понынѣ въ томъ же крайне несовершенномъ, такъ сказать зачаточномъ, видѣ, какъ было и во времена моей инспекціи. Укажу, для образца, на условія школьнаго обученія малолѣтнихъ рабочихъ и возможность его контроля и выполненія: у насъ до сихъ поръ не допущены въ фабричныхъ дѣлахъ *формальныя* доказательства, какъ это сдѣлано, на примѣръ, въ акцизномъ законодательствѣ; у насъ, наконецъ, не разрѣшенъ кардинальный вопросъ и не проведено сколько-нибудь точной и опредѣленной границы между фабрично-ремесленными и кустарными учрежденіями, о чемъ я усердно твердилъ на всѣ лады все время моей инспекторской службы (см. мою книгу „Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора 1907 г.“).

Итакъ, по моему искреннему убѣжденію и къ моему величайшему прискорбію, мое участіе въ фабрично-инспекторской дѣятельности никакой въ общественномъ смыслѣ пользы не принесло и по

условіямъ у насъ существующимъ принести не могло, обратно всѣмъ ожиданіямъ. Другое дѣло въ отношеніи моихъ личныхъ интересовъ: здѣсь, нѣтъ сомнѣнія, инспекторская дѣятельность оказала мнѣ огромную службу и пользу. Фабрично-инспекторская дѣятельность, во-первыхъ, расширила и освѣтила мои знанія и пониманіе рабочаго вопроса, какъ никакая книга этого сдѣлать не можетъ. Множество бесѣдъ и разговоровъ съ фабрикантами, ихъ представителями и рабочими дали мнѣ такіе факты въ руки, которыхъ я нигдѣ бы не могъ найти. Напротивъ, многія теоретическія, абстрактныя положенія науки потерпѣли фіаско, благодаря практическому знакомству съ дѣломъ. Я убѣдился, напримѣръ, въ предвзятости и лживости многихъ ходячихъ положеній, напримѣръ, о противоположности, якобы, непремѣнно интересовъ капиталистовъ и рабочихъ, что является часто сущимъ и тенденціознымъ вздоромъ, не дающимъ права къ обобщенію. Многія, точно также, положенія и чуть не аксіомы финансовой науки по предмету обложенія косвенными налогами разныхъ видовъ потребленія не находятъ себѣ приложенія на практикѣ, какъ я убѣдился на основаніи различныхъ фабричныхъ расцѣнокъ и артельныхъ списковъ; пропорціональность, по крайней мѣрѣ, весьма часто нарушается и дважды два нерѣдко выходитъ какъ будто не четыре.

Наконецъ огромная личная польза для меня практическихъ знаній и знакомства съ фабричнымъ бытомъ выразилась въ возможности съ успѣхомъ, впоследствии, продѣлать другія изслѣдованія и работы, какъ опытъ моихъ силъ и познаній. Сюда относится, напримѣръ, новое изслѣдованіе, возложенное на меня, въ министерство того же Н. Х. Бунге, объ условіяхъ конкуренціи фабрично-заводской промышленности Царства Польскаго съ промышленностью Москвы или точнѣе Центральной Россіи.

Восьмидесятые года прошлаго вѣка, какъ извѣстно, отличались въ Россіи продолжительнымъ промышленнымъ кризисомъ и застоємъ. Многія фабрики Центральной Россіи пріостановили работу или отпускали часть рабочихъ. Весьма естественно, что тяжкій фабричный кризисъ сдѣлалъ русскихъ фабрикантовъ болѣе нервными и чувствительными въ отношеніи вопроса о конкуренціи. Между промышленностью Центральной Россіи и ея окраины—губерніей Царства Польскаго завязалась постепенно упорная борьба изъ-за обладанія рынками. По настоящію главнымъ образомъ московскихъ фабрикантовъ былъ уничтоженъ закавказскій транзитъ, но это не подняло русской промышленности и привозъ иностранныхъ товаровъ хотя и уменьшился, но мѣсто ихъ въ значительной степени заняли произведенія не московской, а польской фабрикаціи. Харьковъ и

Кіевъ сдѣлались хорошимъ рынкомъ для сбыта польскихъ произведеній и даже въ самой Москвѣ появились многочисленныя склады польскихъ фирмъ, и многія ихъ издѣлія начали успѣшно конкурировать на мѣстѣ съ московскими.

Толки и неудовольствія противъ конкуренціи польскихъ фабрикъ начали раздаваться особенно сильно послѣ 1886 года, со времени появленія сенсаціонной брошюры г. Сергѣя Шарапова о Лодзи и Сосновицахъ и его публичныхъ лекцій по этому предмету. Г. Шараповъ имѣлъ предварительно, для изслѣдованія этого вопроса, спеціальную командировку московскими купцами въ Польшу и съ неразборчивостью, его отличающею, поднялъ сильную агитацію по этому поводу, исполняя волю его нанимателей, также какъ нынѣ противъ ограниченій автономіи Финляндіи. Правительство наше всегда съ особымъ благоволеніемъ и снисхожденіемъ относилось къ желаніямъ и интересамъ московскаго купечества; поэтому, когда посыпались изъ Москвы жалобы отдѣльныхъ фабрикантовъ на вредъ для Россіи польской конкуренціи, то Министерство Финансовъ немедленно откликнулось на эти ходатайства и рѣшило серьезно ими заняться. Вскорѣ затѣмъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ обратилъ вниманіе на ненормально быстрый ростъ и наплывъ иностраннаго населенія на нашихъ окраинахъ и спеціально увеличеніе иностраннаго землевладѣнія. Почти единовременно (немного позже) Министерство Финансовъ (Н. Х. Бунге) назначило спеціальную комиссію для изученія промышленности Царства Польскаго и особенно въ пограничной полосѣ, куда вмѣстѣ съ ростомъ нашего таможеннаго тарифа переселялись цѣликомъ иностранныя фабриканты съ своими рабочими и машинами, открывая все новое и новое соперничество съ русскими производителями. Отъ Министерства Финансовъ намѣчены были двое: по экономической части—я, по технической—директоръ Технологическаго Института Н. П. Ильинъ, впослѣдствіи въ качествѣ помощника ему Н. П. Ланговой, доцентъ того же Института; и кромѣ того двое лицъ—статистовъ безъ рѣчей—отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (по паспортному дѣлу) и отъ Горнаго Департамента.

Въ одну изъ поѣздокъ моихъ въ Петербургъ тогдашній директоръ Департамента Торговли и Мануфактуры А. Б. Бэръ сообщилъ мнѣ намѣреніе Министерства, по мысли его и Николая Христіановича, пригласить меня въ эту комиссію. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало и оффиціальное письменное предложеніе по этому поводу, на которое я отвѣчалъ, сгорая тогда желаніемъ всякаго новаго интереснаго дѣла, моимъ полнымъ согласіемъ. Весьма долго тяну-

лась канцелярская канитель и переписка изъ-за совершенныхъ, частью, пустяковъ, напримѣръ, изъ-за согласія на мою командировку Министерства Просвѣщенія, которое, конечно, въ вакаціонное время ничегò не можетъ имѣть противъ тѣхъ или иныхъ полезныхъ занятій университетскихъ профессоровъ. Въмѣсто мая мѣсяца поѣздка комиссіи состоялась лишь въ двадцатыхъ числахъ іюня. Всѣ члены съѣхались въ Варшавѣ, гдѣ, къ сожалѣнію, генераль-губернаторъ Гурко отсутствовалъ, и мы его не могли видѣть; въ канцеляріи же его узнали, что о назначеніи комиссіи и пріѣздѣ нашемъ фабриканты уже увѣдомлены и ждутъ-де насъ съ нетерпѣніемъ. Генераль-губернаторъ прикомандировалъ къ намъ, яко-бы на помощь при нашемъ изслѣдованіи, своего молодого чиновника по особымъ порученіямъ гр. А. А. Уварова, нынѣ столь извѣстнаго, по разнымъ поводамъ, члена Государственной Думы. Въ дѣйствительности гр. Уваровъ никакой пользы намъ не оказывалъ, ибо съ нашей комиссіей вовсе даже не ѣздилъ, а лишь показывался къ намъ всего два раза въ мѣстахъ нашего изслѣдованія на самое короткое время. Наша корреспонденція, по предложенію канцеляріи, въ виду нашихъ постоянныхъ разъѣздовъ въ Царствѣ Польскомъ, должна была направляться въ нее для храненія и доставляться намъ по извѣстному ей всегда нашему адресу, часто мѣнявшемуся.

Программа изслѣдованія заключала въ себѣ выясненіе тѣхъ условій и преимуществъ, которыя имѣетъ польская промышленность сравнительно съ внутренними губерніями Россіи, въ особенности въ московскомъ промышленномъ округѣ. Сообразно этому надлежало выяснить, какія именно отрасли промышленности получили наибольшее развитіе въ губерніяхъ Царства Польскаго; какія мѣстныя условія способствовали этому развитію; какое вліяніе на него имѣли иностранныя техники и рабочіе, заграничныя капиталы и полученіе изъ-за границы матеріаловъ и орудій производства; каково было воздѣйствіе повышеннаго съ 1877 года таможеннаго тарифа, и какія мѣры могли бы быть приняты противъ дальнѣйшаго искусственнаго развитія польской фабрично-заводской промышленности. При этомъ особенное вниманіе комиссіи должно было сосредоточиться именно на пограничныхъ губерніяхъ Царства Польскаго.

Слѣдуя указаннымъ цѣлямъ и задачамъ изслѣдованія, я съ одобренія Министерства выработалъ двѣнадцать вопросныхъ пунктовъ для владѣльцевъ фабрикъ параллельно по-русски и по-нѣмецки и, для ускоренія нашей работы, они были разосланы по фабрикамъ Царства Польскаго еще раньше нашего прибытія туда черезъ по-

средство генераль-губернатора и мѣстнаго начальства. Такимъ образомъ къ нашему прїѣзду въ двадцатыхъ числахъ іюня мы уже имѣли отъ большинства мѣстныхъ фабрикъ довольно подробныя свѣдѣнія, которыя оставалось лишь дополнить и провѣрить личными осмотрами.

Все изслѣдованіе мое промышленности Царства Польскаго можно изложить, собственно, въ двухъ частяхъ: во-первыхъ, такъ сказать, *внѣшняя исторія* или ходъ самаго изслѣдованія комиссіей польской промышленности; во-вторыхъ, *результаты* или данныя объ этой промышленности по экономическому отдѣлу задачи, мною собранныя. Начну съ внѣшней исторіи, какъ наиболее интересной и подходящей для моей біографіи и „Воспоминаній“. Первоначально комиссія наша предполагала путешествовать по Польшѣ и собирать порученныя данныя цѣликомъ въ составѣ всѣхъ членовъ; но уже первые шаги совмѣстныхъ осмотровъ показали все неудобство подобной мѣры: каждый членъ нуждался въ свѣдѣніяхъ по своей специальности и, разумѣется, одинъ хозяинъ или завѣдующій фабрикой не могъ одновременно удовлетворять пытливость и отвѣчать нѣсколькимъ лицамъ. Въ этомъ мы убѣдились скоро въ первомъ промышленномъ пунктѣ Царства, куда прїѣхали совмѣстно—въ Сосновицахъ. Я такъ описывалъ нашъ прїѣздъ въ Сосновицы моей женѣ: „Вѣздъ нашъ въ Сосновицы былъ „торжественный“: весь вокзалъ былъ запруженъ народомъ и властями; кромѣ множества разныхъ чиновъ, было нѣсколько крупныхъ фабрикантовъ... Долго насъ разрывали на части, таможенныя звали къ себѣ, фабриканты къ себѣ; но мы все съ достоинствомъ отвергли и устремились въ близъ лежащую корчму, гдѣ и помѣстились, впрочемъ, довольно удобно. На другой день встали въ 7 часовъ и вновь отвергли предложенія, присланныя разными фабрикантами, изящныхъ экипажей, и цѣшкомъ, въ сопровожденіи, однако, большой свиты, двинулись для начала на шерсто-прядильную фабрику Диттеля, полторы версты отъ границы. Къ обѣду Ильинъ уже окончилъ свою часть осмотра, а Писаревъ, членъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, не знавшій нѣмецкаго языка, бесполезно потолкался и потомъ куда-то исчезъ; я же свою программу выполнялъ съ утра до 7 часовъ вечера, съ краткимъ перерывомъ на обѣдъ на станціи и усталый, разбитый, но нѣсколько ободренный духомъ, вернулся домой, т. е. въ корчму. Цѣлый день разговоръ шелъ преимущественно по-нѣмецки“... Какъ было выше упомянуто, послѣ первыхъ двухъ-трехъ осмотровъ члены комиссіи рѣшили осматривать фабрики отдѣльно, а вечеромъ сходиться для обсужденія плана дѣйствій для слѣдующаго дня.

Послѣ Сосновиць съ ея ближайшими окрестностями, гдѣ мы осмотрѣли 15 фабрикъ, мы начали посѣщать болѣе отдаленныя изъ нихъ, лежащія по Варшавско-Вѣнской дорогѣ (Домброво, Зембоковица, Ченстохово и т. д.). Поѣздки вдоль самой границы, гдѣ только возникали фабрики, мы совершали въ разныхъ мѣстахъ Царства Польскаго. Мѣстность, напримѣръ, по границѣ всего Бендинскаго уѣзда съ Пруссіей, пустынная и большею частью заросшая лѣсомъ, перерѣзанная множествомъ тропинокъ и очень удобная, повидимому, для водворенія контрабанды, услѣдить которую на огромномъ протяженіи едва-ли было возможно. Проѣзжія дороги съ русской стороны повсюду были отвратительны, и путешествіе совершалось постоянно съ опасностью быть опрокинутымъ. Вообще вдоль русской границы хорошія шоссеиныя дороги въ то время (восьмидесятыя годы XIX вѣка) отсутствовали, а напротивъ вся прусская граница на протяженіи Познани изрѣзана была прекрасными шоссе и желѣзными дорогами; поэтому въ результатѣ нашего перваго же опыта оказался совершенный абсурдъ, что ломанная линія короче прямой, и что нашей комиссіи гораздо выгоднѣе было путешествовать въ русскія пограничныя фабрики, дѣлая большіе круговые объѣзды по прусскимъ цивилизованнымъ путямъ, нежели короткіе проѣзды по русской территоріи.

Первый такой наѣздъ мы совершили съ Ильинымъ на Мирковскую писчебумажную фабрику Велюнскаго уѣзда Калишской губерніи. Она лежитъ всего нѣсколько верстъ отъ прусской желѣзнодорожной станціи „Wilhelmsbrücke“; поэтому мы совершили это путешествіе большимъ объѣздомъ изъ Сосновиць по Пруссіи и доѣхали довольно скоро, тогда какъ съ Россіей она была связана плохой проселочной дорогой.

Мирковская писчебумажная мануфактура возбуждала много толковъ и переписки у генераль-губернатора, а равно и Министерства Финансовъ. Положеніе этой фабрики считали подозрительнымъ и даже опаснымъ для интересовъ Россіи по многимъ причинамъ. Прежде всего Мирковская фабрика лежитъ на пограничной рѣкѣ Проснѣ, отдѣляющей Россію отъ Пруссіи, и фабрика занимаетъ своими постройками оба берега рѣки, въ которой происходитъ часть процедуры производства—мытье тряпки и пр. Всѣ рабочіе живутъ въ лежащей непосредственно за стѣной фабрики прусской деревушкѣ и два раза въ день приходятъ на работу, подвергаясь строгому таможенному осмотру. Противъ Мирковской фабрики были представлены два серьезныхъ, но одинаково безосновательныхъ, какъ оказалось изъ нашего тщательнаго осмотра, обвиненія: во-первыхъ, что несмотря на всѣ принятыя мѣры предупрежденія, эта

фабрика является мѣстомъ сплава контрабанды; другой доносъ мѣстнаго жандармскаго ротмистра указывалъ, еще страшнѣе, на военную будто бы опасность для Россіи Мирковской фабрики, такъ какъ она очень легко въ случаѣ войны можетъ быть, будто бы, превращена въ крѣпость, а ея рабочіе—въ нѣмецкихъ ландверистовъ; они всѣ-де отлично изучаютъ военное искусство на случай войны!??...

Мы съ Ильинымъ тщательно осмотрѣли эту фабрику, произвели настоящее слѣдствіе, выспрашивая въ подробности рабочихъ и администрацію, и провѣряя показанія книгами: никакой фиктивной, якобы, работы на этой фабрикѣ мы не нашли, а по осмотру Ильинымъ механизмовъ и аппаратовъ Мирковская мануфактура *дѣйствительно* перерабатывала въ бумагу все то тряпье, которое получала. Короче, мы обѣлили фабрику отъ всѣхъ доносовъ и обвиненій, на нее падавшихъ. Напротивъ, надо считать за большую выгоду для Россіи существованіе этой фабрики уже потому, что при отсутствіи ея, пограничное населеніе, не имѣя заработковъ, непременно занялось бы болѣе выгоднымъ гешефтомъ-контрабандой. Наконецъ въ смыслѣ конкуренціи съ Россіей эта фабрика не представляла ничего угрожающаго по своимъ размѣрамъ, потребляя мѣстную тряпку, и производя бумагу для мѣстнаго употребленія.

Далѣе, такимъ же точно образомъ, путемъ длиннаго объѣзда черезъ Пруссію, мы посѣтили губернской городъ Калишъ, лежащій отъ границы всего въ семи верстахъ и тѣмъ не менѣе тогда не связанный еще желѣзной дорогой ни съ Пруссіей, ни съ Россіей. Въ Калишѣ мы пробыли довольно долго, осмотрѣли въ его окрестностяхъ знаменитыя суконныя фабрики, поставлявшія издавна сукно не только на всю Россію, но и въ Китай. Согласно нашему изслѣдованію шансы конкуренціи, опять таки противно московскимъ завистникамъ, вовсе не говорили въ пользу этихъ польскихъ или точнѣе нѣмецкихъ фабрикъ, такъ какъ топливо въ Калишѣ оказалось дороже многихъ другихъ частей въ Польшѣ, заработная плата выше, а шерсть едва ли не дороже, чѣмъ въ Россіи.

Гораздо большаго вниманія съ нашей стороны въ Калишѣ потребовалъ осмотръ нѣсколькихъ фабрикъ и ремесленныхъ заведеній, подозрѣваемыхъ въ сбытѣ контрабанды, которая прикрывается слѣдующимъ ловкимъ маневромъ; какое-нибудь лицо открываетъ въ предѣлахъ Россіи, но на границѣ, напримѣръ въ томъ же Калишѣ, для вида фабрику или мастерскую какого-либо ходкаго товара, напримѣръ, машинныхъ кружевъ, лентъ, тесемокъ, шляпъ, платковъ и т. д. Единоновременно съ контрабанднымъ привозомъ этихъ това-

ровъ изъ-за границы разными неизвѣстными путями фабрика вырабатываетъ и свой подобный товаръ, только въ ничтожномъ количествѣ, по тѣмъ же иностраннымъ образцамъ и рисункамъ, но ставить на все свое клеймо. Въ результатъ получается абсурдъ: въ данную часть Польши замѣтно усиливается ввозъ какого-нибудь товара, извѣстнаго рода, изъ-за границы, и мѣстное польское (въ большинствѣ, конечно, еврейское) производство этого предмета нисколько отъ этой конкуренціи не страдаетъ, но замѣтно растетъ и процвѣтаетъ. Такіе способы контрабанды мнѣ пришлось видѣть, по крайней мѣрѣ по подозрѣнію, кромѣ Калиша, въ Ченстоховѣ и самой Варшавѣ. Для отвода глазъ, весьма нерѣдко на подобныхъ фабрикахъ имѣются, яко-бы для образца, тѣ же самые товары иностраннаго происхожденія, но снабженные узаконенной пломбой и прошедшіе черезъ таможеню.

Какой-то жандармскій офицеръ въ Сосновицахъ заявлялъ мнѣ по секрету, что если-бы Министерство Финансовъ гарантировало ему извѣстную на то сумму, то онъ обязуется на дѣлѣ показать обширные размѣры правильно идущей контрабанды разными товарами при непосредственномъ, будто-бы, содѣйствіи или попустительствѣ самихъ чиновъ таможеннаго вѣдомства. Такъ какъ въ данномъ случаѣ я отказался принять на себя посредничество, то не знаю, насколько заявленіе это вѣрно; но несомнѣнно, всѣ обстоятельства видѣннаго и слышаннаго мною въ Польшѣ, во время изслѣдованія, говорили за громадныя размѣры контрабанды—гораздо большіе, нежели многіе думали. Такъ, въ Познани, напримѣръ, вдоль всей русской границы, я видѣлъ нѣсколько разъ много винокуренныхъ заводовъ и другихъ фабрикъ въ непосредственной близости съ Россіей, иногда на нѣсколько сажень, почему незамѣтный провозъ продуктовъ изъ Пруссіи черезъ нашу границу представлялся весьма легкимъ дѣломъ, несмотря ни на какую стражу. У меня невольно являлась мысль: эти заводы не существуютъ ли специально для доставки въ Россію контрабанднымъ способомъ спирта и пр.?... Затѣмъ одинъ разъ, близъ Калиша, въ виду нашего сторожевого поста и часового, я случайно зашелъ въ прусскую пивную и нашелъ сѣни ея снизу до верху наполненными какими-то странными металлическими ранцами, съ завинченными отверстіями и ремнями. Для всякаго было очевидно, что эти ранцы предназначались для наполненія жидкостью и скрытнаго переноса подъ платьемъ. Нѣмецкій еврей, хозяинъ пивной, видимо былъ очень смущенъ и что-то бормоталъ, но ничего не могъ отвѣтить на мои любознательные разспросы; русскій же таможенный чинъ, представленный ко мнѣ Министерствомъ Финансовъ при разъѣздѣ по нѣко-

рымъ фабрикамъ, яко-бы для содѣйствія изслѣдованію, по поводу вышеуказанныхъ ранцевъ, представилъ мнѣ какое-то нелѣпое объясненіе и всячески старался увести меня вонъ изъ этой пивной, очевидно, по моему убѣжденію, желая отвлечь мое вниманіе отъ этого нагляднаго доказательства регулярнаго кормчества ¹⁾.

Дольше всего изъ всѣхъ городовъ Царства Польскаго пришлось мнѣ пробыть въ Лодзи—около трехъ недѣль, каждый день съ утра до вечера посѣщая фабрики, иногда даже по воскресеньямъ, когда случайно приходилось узнать о еврейскихъ заведеніяхъ, работавшихъ въ этотъ день. Свободные отъ посѣщеній антракты точно также были всецѣло посвящены разработкѣ писаннаго и печатнаго матеріала, собраннаго въ огромномъ количествѣ на фабрикахъ и получаемого со всѣхъ сторонъ. Этотъ главнѣйшій промышленный центръ Царства Польскаго, прокопченная, дымная Лодзь съ ея до-нельзя отравленной, вонючей рѣчкой Лудкой производила на насъ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Впрочемъ я не имѣлъ времени скучать, поглощенный всецѣло осмотромъ фабрикъ и безчисленными разговорами и опросами на разныхъ языкахъ (преимущественно на нѣмецкомъ и русскомъ, а иногда черезъ переводчика и польски) съ ранняго утра до поздняго вечера. Жена моя, которая цѣлый день сидѣла въ номерѣ гостиницы за предварительнымъ разборомъ присылаемаго съ фабрикъ матеріала описательнаго и цифроваго характера—занятіемъ, отъ котораго ее, впрочемъ, часто отрывали разные дѣловые посѣтители, вела, разумѣется, томительное существованіе и молила боговъ поскорѣе убраться изъ постылаго города. Здѣсь же, въ Лодзи, при постоянномъ жительствѣ, мы первый разъ (а потомъ при вторичномъ посѣщеніи Сосновицъ) познакомились съ разными представителями русскаго чиновничества и составили себѣ ясное представленіе, какими неудовлетворительными чиновниками Россія наполняетъ свои окраины, существенно вредя связи и объединенію интересовъ послѣднихъ съ остальной Россіей.

Кромѣ Калиша, Лодзи, Томашова и фабрикъ вдоль Варшавско-Вѣнской дороги, я посѣтилъ нѣсколько механическихъ заводовъ

¹⁾ Никогда во всю мою жизнь мнѣ не приходилось столько слышать о взяточничествѣ и продажности чиновниковъ, какъ въ Царствѣ Польскомъ во время этого изслѣдованія. Одно вѣдомство всегда обвиняло другое, таможенное—полицейскихъ, полицейскіе, какъ мы сейчасъ видѣли,—таможенныхъ въ подкупности и сдѣлкахъ съ совѣстью. Къ сожалѣнію, и новое вѣдомство—фабричная инспекція—пошло по избитой дорогѣ и навлекло на себя скоро тѣ же обвиненія. Еще во время нашего изслѣдованія два инспектора въ Царствѣ Польскомъ были на этомъ основаніи устранены отъ должности.

Варшавы и стеклянныхъ и мебельныхъ фабрикъ въ Люблинской губерніи. Всего посѣщеній было много, болѣе ста промышленныхъ заведеній Царства Польскаго, и я изучилъ ихъ вполне основательно, чтобы быть въ состояніи провести параллель съ условіями производства и быта московскихъ фабрикъ.

Вслѣдъ за изученіемъ положенія польской промышленности путемъ указанныхъ осмотровъ фабрикъ, я собиралъ также въ Польшѣ данныя для исторіи возникновенія и развитія польской промышленности, что издалъ впоследствии отдѣльной книгой¹⁾. Это изслѣдованіе по всѣмъ доступнымъ мнѣ источникамъ, преимущественно польскимъ, а отчасти русскимъ, ранѣе не затронутымъ (напримѣръ данныя Государственнаго Банка), установило несомнѣнный фактъ быстрого роста польской промышленности, сравнительно съ русской и особенно за позднѣйшее время, т. е. за періодъ полного присоединенія къ Россіи и объединенія съ ней. Отъ выгодъ, благодаря этому слянію съ Россіей, обрабатывающая промышленность Царства Польскаго увеличивалась скачками на сотни и даже до тысячи процентовъ за короткій періодъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности. Польская промышленность оказалась вообще моложе русской, и ея ростъ начинается именно со времени утраты политической самостоятельности Польши и на счетъ Россіи, къ которой она была присоединена.

Первый благоприятный факторъ для развитія польской промышленности заключался, вмѣстѣ съ присоединеніемъ къ Россіи, въ цѣломъ рядѣ поощрительныхъ административныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Второй факторъ, благоприятствующій польской промышленности, заключался въ дѣятельности польскаго банка, истратившаго, опираясь на русскіе финансы, многіе милліоны денегъ. Наконецъ третій и важнѣйшій факторъ состоялъ въ разнообразныхъ экономическихъ выгодахъ, которыя Польша извлекла прямо изъ своего присоединенія къ Россіи и торговли съ нею, найдя въ ней богатый и постоянный рынокъ, какъ для своихъ собственныхъ продуктовъ, такъ и привозимыхъ иностранныхъ, при обильныхъ льготахъ и преимуществахъ на русской счетъ въ пользу Польши. Достаточно привести тотъ фактъ, что до 1850 г., пока Царство Польское имѣло самостоятельный тарифъ и свой собственный таможенный кордонъ по русской границѣ, Польша ввозила въ Россію

---

¹⁾ Историческій очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12 января 1887 г. орд. проф. И. И. Янжуломъ. Москва 1887 г.

свое сырье совсѣмъ бесплатно, а обработанныя издѣлія, какъ соб-
ственные, такъ и иностранныя, съ своимъ клеймомъ съ уплатою
лишь одного процента (1⁰/₀). Въ то же самое время русскія издѣлія,
напримѣръ бумажныя, оплачивались до 15⁰/₀ стоимости польскими
пошлинами. Такимъ образомъ присоединеніе къ Россіи создало для
Польши обширный, монополизированный рынокъ для всякихъ про-
дуктовъ черезъ ея посредство, и великодушная Россія наложила
на себя, слѣдовательно, огромную тяжесть въ пятнадцать разъ
большую, нежели на присоединенную страну. *Отъ всего остального
свѣта Россія была ограждена высокой стѣной запретительнаго
тарифа, и лишь Польша представляла изъ себя ворота въ этой
сплошной стѣнѣ.* (Нѣчто подобное представляетъ собою нынѣ, бла-
годаря двойному тарифу и легкости контрабанды, Финляндія ¹⁾).

¹⁾ Укажемъ на замѣчательную статью недавно въ „Голосѣ Москвы“ на
эту тему по поводу взаимныхъ отношеній Россіи съ Финляндіей въ писче-
бумажной промышленности. Благодаря, главнымъ образомъ, разности
русско-финляндскаго тарифа отъ иностраннаго финляндскаго и нашего,
Финляндія быстро и вѣрно завоевываетъ русскій рынокъ. Приведемъ нѣко-
торыя выдержки изъ названной статьи.

„Прогрессивный ходъ завоеванія русскаго рынка финляндской бумажной
промышленностью явствуетъ изъ слѣдующихъ цифръ: 20 лѣтъ тому назадъ
финляндскій привозъ составлялъ всего 6 проц. русскаго производства; еще
10 лѣтъ тому назадъ онъ не превышалъ 10 проц. нашей производителъ-
ности, а въ настоящее время онъ составляетъ уже цѣлую треть. Финлянд-
ская бумага распространилась отнюдь не въ одной только сѣверной Россіи—
она получила широкій сбытъ въ Варшавѣ, Лодзи, Ригѣ, Москвѣ, Одессѣ,
Ростовѣ и т. д., не исключая и Сибири.

За послѣдніе годы привозъ къ намъ финляндской бумаги обнаружи-
ваетъ слѣдующую прогрессію: 1903 г. — 18,2 милл. марокъ, 1904—20,1,
1905—20,6, 1906—20,4, 1907—26,8 милл. марокъ. Въ среднемъ финляндскій
привозъ увеличивается ежегодно на 15 проц., все финляндское бумажное
производство возрастаетъ ежегодно на 25 проц.,—а наше бумажное дѣло
увеличивается едва на 2 проц. Финляндская промышленность растетъ
почти исключительно за счетъ развитія русскаго бумажнаго рынка, покрывая
двѣ трети прироста нашей потребности въ бумагѣ“.

Указанное ненормальное явленіе авторъ объясняетъ тѣмъ, что „фин-
ляндскій привозъ мы облагаемъ самыми ничтожными пошлинами, а чтобы
финляндцы могли сбывать у насъ свой товаръ съ хорошей выгодой, не
тревожимые другими иностранными импортерами, мы облагаемъ бумажный
товаръ другихъ странъ-производительницъ огромными, совершенно запре-
тительными пошлинами. Вотъ сравнительная табличка таможенныхъ тари-
фовъ по финляндской границѣ и общихъ (въ рубляхъ съ пуда):

Бумага:	Для Финляндіи.	Общій тарифъ.
Оберточная	0,50	4,00
Бѣлая и цвѣтная	0,82	6,00
Пергаментная	0,82	13,20
Папирсная	1,60	16,00

Въ 1850 году произошло таможенное объединеніе и уничтоженіе таможенной границы между Имперіей и Царствомъ, что, обратно съ ожиданіями, способствовало главнымъ образомъ дальнѣйшему развитію и росту лишь польскихъ интересовъ на счетъ русскихъ. Первоначально сдерживающей препоной были дурные пути сообщенія во внутренней Россіи; но съ улучшеніемъ ихъ и быстрой постройкой желѣзныхъ дорогъ сбытъ польскихъ издѣлій не только распространялся съ соотвѣтствующей быстротой на внутреннемъ рынкѣ, но вырывалъ у русской промышленности даже насиженные старые рынки въ Азіи.

Но за быстрымъ развитіемъ польской промышленности, вслѣдствіе вышеуказанныхъ условій, явилось другое весьма нежелательное послѣдствіе этого быстрого роста вмѣстѣ съ увеличеніемъ также и нашего таможенного тарифа, а именно: желая пользоваться различіями тарифныхъ ставокъ на обработанные продукты и полуфабрикаты, иностранцы начали переносить свои фабрики или ихъ отдѣленія за русскую границу вмѣстѣ съ ихъ полнымъ обзаведеніемъ. Благодаря этому маневру, иностранное производство получило полный доступъ для конкуренціи съ русскими производителями. Появленіе подобныхъ фабрикъ одинаково невыгодно какъ для русской промышленности, такъ и для интересовъ самого фиска. Иностранный продуктъ получаетъ здѣсь фальшиво-русское обличіе и избѣгаетъ значительной части таможенного налога. Вотъ та сторона вопроса о польской промышленности, которая дѣйствительно

Отсюда явствуетъ, что Финляндія совершенно защищена на русскомъ бумажномъ рынкѣ отъ конкуренціи европейскихъ фабрикатовъ, обложенныхъ таможенною пошлиною въ 8—16 разъ выше, нежели финляндскій товаръ. Фактически это находитъ себѣ выраженіе въ томъ, что въ составѣ бумажнаго привоза къ намъ всѣ страны занимаютъ всего 5 проц.,— а 95 проц. привозитъ одна Финляндія! Другими словами, массовое импортное производство искусственно монополизировано тарифомъ за Финляндіей, а на всѣ прочія страны оставлены лишь крохи привоза (спеціальныхъ сортовъ бумаги).

Мы охарактеризовали финляндскую привилегію по бумажному производству только какъ одну изъ наиболее яркихъ картинокъ въ области экономическихъ взаимоотношеній Финляндіи съ Имперіей. Но и весь вообще товарный обмѣнъ нашъ съ Финляндіей носитъ въ высшей степени ненормальный характеръ, закрѣпляющій льготное положеніе привоза къ намъ финляндскихъ товаровъ и въ то же время ставящій судьбу нашего импорта въ Финляндію въ зависимость отъ доброй воли финляндцевъ“.

См. „Голосъ Москвы“ отъ 26 іюня 1910 г. Экономическій отдѣлъ: статья подъ названіемъ „Вопіющая ненормальность“. См. также „Голосъ Москвы“ № 153 1910 года (отъ 6 іюля): „Финляндская конкуренція въ бумажномъ производствѣ“.

заслуживала вниманія, вмѣсто преувеличенныхъ жалобъ московскихъ промышленниковъ на польскую конкуренцію, сильно раздутую.

Въ заключеніе перейдемъ къ выводамъ или результатамъ, добытымъ нашей комиссіей по экономической сторонѣ дѣла. Само собой разумѣется, здѣсь оказались выводы pro и contra, т. е. за русскую, какъ и за польскую промышленность. Одни производства, какъ хлопчато-бумажное, выше въ Россіи, другія, какъ шерстяное, выше въ Польшѣ. То же, что о качествахъ, можно сказать и о шансахъ конкуренціи: въ однихъ отношеніяхъ преимущество за московскими, въ другихъ—на сторонѣ промышленниковъ Привислянскаго Края. Очевидно, не можетъ быть вопроса о какихъ-либо насильственныхъ мѣропріятіяхъ правительства для уравниванія шансовъ конкуренціи, и сами промышленники должны стремиться къ должному уравниванію своихъ преимуществъ и недостатковъ въ интересахъ наилучшаго развитія своего дѣла.

Основное положеніе мое, истекающее изъ всего изслѣдованія, это то, что промышленность Царства Польскаго представляетъ собой *дитя правительственной опеки и многолѣтней заботливости русскаго государства, вскормленное и вскормленное въ значительней степени на русскихъ хлѣбахъ и на счетъ русскихъ потребителей (болѣе 50% польскихъ издѣлій вывозится въ Имперію).*

Такимъ образомъ, если бы зашла рѣчь объ автономіи или полномъ отдѣленіи Царства Польскаго отъ Россіи, то, естественно, дѣломъ справедливости является вытребовать и получить сначала многомилліонный долгъ Польши Русской Имперіи за созданіе и столѣтнее поддержаніе ея промышленности. Возникновеніе пограничныхъ фабрикъ на счетъ иностранныхъ капиталовъ и отчасти съ иностранными рабочими составляетъ прямое нарушеніе существующихъ правилъ и законовъ и обязательно должно быть уничтожено, каковой бы то ни было цѣной.

Согласно данной комиссіи программѣ, одинаковыя изслѣдованія и подъ однимъ и тѣмъ же пунктомъ должны были быть повторены и въ Московской губерніи, но по неизвѣстной мнѣ причинѣ московское изслѣдованіе не состоялось, а потому для сравненія добытыхъ въ Польшѣ результатовъ съ Москвой пришлось ограничиться лишь нѣкоторыми общими данными, добытыми много раньше, въ качествахъ московскаго фабричнаго инспектора, и немногими частными свѣдѣніями, гдѣ дѣло касается вопросовъ недвижимаго или оборотнаго капитала. Первый—основной капиталъ, т. е. затрачиваемый на землю, постройку зданія и машинъ на московскихъ фабрикахъ, вообще больше и выше, чѣмъ польскихъ, если сопоставить съ капиталомъ оборотнымъ. Вообще постройки, благодаря русскому

обычаю помѣщать жилище рабочихъ въ зданіи фабрики и дороговизнѣ кирпича, гораздо дороже, нежели въ Царствѣ Польскомъ.

Весьма разнообразны условія относительно оборотнаго капитала и на первомъ планѣ топлива. Здѣсь, во время изслѣдованія, расходъ на топливо оказался рѣшительно въ пользу Царства Польскаго, т. е. въ Москвѣ топливо гораздо было дороже въ то время, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ. Если взять сравнительный расходъ топлива, приходящійся на единицу продукта, то окажется, что въ общемъ фабричномъ оборотѣ Царства Польскаго топлива расходуется въ два раза меньше, чѣмъ на московскихъ фабрикахъ.

Но главное мое вниманіе въ этомъ сравненіи условій производства сосредоточилось, естественно, главнымъ образомъ на заработной платѣ и рабочемъ вопросѣ, въ то время какъ по вопросамъ о капиталѣ, аналогичнымъ съ Польшей, мнѣ удалось произвести изслѣдованіе лишь на четырехъ мнѣ особенно дружественныхъ московскихъ фабрикахъ; по заработной платѣ я имѣлъ свѣдѣнія и данныя по многимъ сотнямъ фабрикъ, собранныя въ теченіе многихъ лѣтъ. На этой сторонѣ вопроса, на данномъ основаніи, мое изслѣдованіе и параллель Москвы съ Польшей отличаются особой подробностью.

Первое уже различіе заключалось въ наймѣ рабочихъ. До выхода въ свѣтъ закона о наймѣ фабричныхъ рабочихъ 3-го іюня 1886 года, всѣ условія фабричнаго быта отличались у насъ крайней неопредѣленностью и произволомъ, и нѣкоторое предписаніе закона и нѣкоторые русскіе фабричные обычаи являлись нерѣдко остаткомъ бывшихъ крѣпостныхъ отношеній. Наемъ совершался на самые разные сроки, и при томъ даже на одной и той-же фабрикѣ, но господствующимъ можно считать—наемъ на срокъ *паспорта*, какъ наиболее употребительный и распространенный. Тѣмъ не менѣе, въ силу прямого дозволенія закона (ст. 54 уст. о пром. фабр. и зав.), хозяинъ фабрики могъ всегда отпустить отъ себя рабочаго и до истеченія договорнаго срока за дурное поведеніе или невыполненіе его обязанностей, но съ обязательнымъ предупрежденіемъ работника за двѣ недѣли до отпуска. Въ дѣйствительности послѣднее условіе настолько плохо соблюдалось, что было мало извѣстно не только рабочимъ, но и самимъ хозяевамъ.

При неопредѣленности условій найма, время раслаты на нашихъ фабрикахъ закономъ не предусматривалось; оно предоставлялось, по теоріи, на волю сторонъ, заключающихъ договоръ найма, а въ дѣйствительности у большинства промышленныхъ заведеній, кромѣ ремесленныхъ, плата заработанныхъ денегъ производилась, когда хозяинъ пожелаетъ и имѣетъ нужныя для того деньги.

Законъ 3-го іюня 1886 г. сдѣлалъ важный переломъ въ жизни нашихъ фабричныхъ рабочихъ, установивъ точный порядокъ найма и расплаты тамъ, гдѣ его прежде не было. Этотъ важный законъ, составляющій эпоху въ русскомъ фабричномъ законодательствѣ, опредѣлялъ, во-первыхъ, способы найма и устанавливалъ точно обязательные термины расплаты—не менѣе раза въ мѣсяцъ, при срокѣ опредѣленномъ,—и двухъ разъ въ мѣсяцъ, при срокѣ неопредѣленномъ, нарушеніе чего навлекаетъ на хозяина отвѣтственность въ случаѣ иска рабочаго.

Во многомъ иначе та же часть промышленныхъ отношеній организована въ Царствѣ Польскомъ, для котораго, при томъ, законъ 3-го іюня 1886 г. былъ обязателенъ до послѣдняго времени лишь отчасти, такъ какъ въ цѣломъ составѣ этотъ законъ распространился сначала всего на три губерніи—Московскую, Владимірскую и Петербургскую. Какъ общее правило, издавна существовавшее въ Царствѣ Польскомъ, кромѣ спеціальныхъ письменныхъ договоровъ съ отдѣльными рабочими (большею частью мастерами), рабочіе нанимались и нанимаются безъ срока, но съ обязательнымъ предупреденіемъ за двѣ недѣли, для обѣихъ сторонъ, объ отходѣ или отпускѣ; и послѣднее условіе, совершенно непривычное въ остальной Россіи и лишь внесенное для подобнаго же найма закономъ 3-го іюня 1886 г., является тамъ повсемѣстно принятымъ обыкновениемъ, гарантирующимъ интересы обѣихъ договаривающихся сторонъ. Обратнo съ остальной Россіей, расплата съ рабочими является на фабрикахъ Привислянскаго края также правильной и твердо опредѣленной—или еженедѣльной, или не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ.

Что касается до размѣровъ заработной платы, то сравненіе Имперіи съ Царствомъ Польскимъ вездѣ привело меня къ выводу о лучшемъ, болѣе высокомъ размѣрѣ вознагражденія польскихъ рабочихъ. У большинства ихъ плата превосходитъ русскую очень значительно, иногда на одну треть, на половину, вдвое, а въ одномъ производствѣ даже втрое. Женская плата въ Польшѣ выше почти на три четверти, а дѣтская болѣе, чѣмъ на половину. При этомъ, по разнымъ частямъ Польши плата рабочихъ весьма разнообразится; но, какъ извѣстно, главное значеніе въ вопросѣ оплаты играетъ интенсивность труда, его энергія и успѣшность. Переведа полученныя данныя по этому пункту на единицу товара на тѣхъ фабрикахъ, о которыхъ свѣдѣнія имѣлись для бумагопрядильнаго производства у меня получилось, что расходъ платы въ Царствѣ Польскомъ на фунтъ пряжи составляетъ 66 коп. и никакъ не выше 1 р. 20 к., въ Россіи же отъ 80 к. до 1 р. 50 к., т. е. въ общемъ гораздо

выше; въ выработкѣ же ткани, разница къ выгодѣ польской промышленности еще значительнѣе, т. е. несмотря на абсолютную низкую заработную плату, выработокъ въ центральной Россіи по этому предмету обходится дороже.

Вообще отношенія рабочихъ къ хозяевамъ въ Царствѣ Польскомъ гораздо были нормальнѣе, нежели въ Москвѣ того времени, несмотря на то, что въ общемъ населеніи Польши грамотность совсѣмъ не процвѣтала (по крайней мѣрѣ русская) и была ниже многихъ мѣстностей Россіи; польскіе фабричныя рабочіе были гораздо выше и образованнѣе русскихъ очевидно потому, что наиболѣе развитая часть польскаго населенія шла на фабрику, и во-вторыхъ между рабочими Царства Польскаго была значительная часть иностранцевъ, преимущественно нѣмцевъ, прошедшихъ обязательную школу. Въ то время какъ у насъ, при томъ на лучшихъ фабрикахъ, грамотность не превосходила 31%, средняя въ Польшѣ давала 45%, а въ Варшавѣ даже 56%, т. е. больше половины (разумѣется, съ тѣхъ поръ крупный прогрессъ сдѣланъ повсюду).

Точно также большинство другихъ условій промышленности поставлены были въ Польшѣ лучше, чѣмъ на русскихъ фабрикахъ. Такъ, средняя продолжительность рабочаго времени на польскихъ фабрикахъ была вообще короче—отъ 10 до 12 часовъ въ день, тогда какъ въ Центральной Россіи работа продолжалась тогда, какъ правило, 12 часовъ и нерѣдко до безобразной суммы 14 часовъ въ сутки и даже больше. Годовая работа точно также была въ Москвѣ, если ее перевести на часы, гораздо длиннѣе Польши, несмотря на множество въ Центральной Россіи праздниковъ, не вездѣ, впрочемъ, одинаково соблюдаемыхъ.

Кромѣ указанныхъ выгодъ польской промышленности, надо выставить также отсутствіе на польскихъ фабрикахъ фабричныхъ лавокъ, ведущихъ (по крайней мѣрѣ прежде) на московскихъ фабрикахъ къ эксплуатаціи или большимъ злоупотребленіямъ хозяевъ на счетъ рабочихъ, что и дало, собственно, главный толчокъ моимъ пререканіямъ съ фабрикантами въ Москвѣ и моему выходу въ отставку. Хотя во всей Россіи, какъ и Царствѣ Польскомъ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка благотворительныхъ учрежденій на фабрикахъ встрѣчалось очень мало, но все-таки чаще въ Польшѣ, нежели на московскихъ фабрикахъ; и повсюду на польскихъ фабрикахъ рабочіе были самодѣятельнѣе и выказывали бѣльшую заботу о своихъ интересахъ. Всѣ эти данныя указываютъ на лучшія во многихъ отношеніяхъ условія существованія польскаго фабричнаго рабочаго сравнительно съ русскимъ, что въ свою очередь способствовало лучшему подбору рабочихъ въ Польшѣ и оставалось

не безъ вліянія на взаимные шансы конкуренціи съ внутренней Россіей. Тогда какъ въ Россіи рабочій—номадъ, и чуть не каждого, вслѣдствіе частаго возвращенія къ земледѣльчеству, приходится опять учить вновь фабричному дѣлу, что разумѣется задерживаетъ его прогрессъ, въ Польшѣ, наоборотъ, большинство рабочихъ на фабрикахъ являются исключительно промышленными и никакого отношенія къ сельскому хозяйству не имѣютъ. Понятно, что это обстоятельство значительно облегчаетъ и улучшаетъ въ Польшѣ весь ходъ фабричной работы сравнительно съ Россіей. У насъ нерѣдко въ средней Россіи, по моимъ личнымъ наблюденіямъ и разспросамъ, мужикъ, который вчера разбрасывалъ вилами навозъ въ полѣ или косилъ сѣно, сегодня, можетъ быть, на извѣстной фабрикѣ Хлѣбникова чеканить дорогую художественную серебряную вазу или ткеть у Сапожникова такую сложную дорогую парчу, что только за работу получаетъ по 3 рубля съ вершка! Очень можетъ быть, такіе факты, которые можно было встрѣтить при ежедневномъ посѣщеніи московскихъ фабрикъ, очень пріятны въ санитарномъ отношеніи, какъ здоровая работа для фабричнаго труженика, но несомнѣнно задерживаютъ развитіе ручной ловкости, навыка и усовершенствованія въ техническомъ отношеніи и мѣшаютъ русскому рабочему сравняться когда-либо съ иностраннымъ. Наша публика и печать часто весьма нелѣпа и считаетъ возможнымъ осуществлять все, что ей нравится, тогда какъ дѣйствительность весьма нерѣдко противорѣчитъ подобнымъ вождельніямъ. Вообще нельзя съ одинаковымъ успѣхомъ въ одно и то же время заниматься совершенно различными занятіями, нельзя, какъ говоритъ пословица, „въ одно время двумъ богамъ молиться“.

Такимъ образомъ, фабричная промышленность Царства Польскаго отличается, сравнительно съ московской, большими разнообразными преимуществами, главнымъ образомъ природными или находящимися въ связи съ первыми, которыхъ человекъ не въ силахъ измѣнить, и затѣмъ гораздо лучшимъ положеніемъ рабочаго класса, болѣе грамотнаго, развитога и привыкшаго къ самодѣятельности¹⁾. Всѣмъ этимъ выгодамъ польская промышленность и обязана быстрымъ ростомъ и распространеніемъ товаровъ въ предѣлахъ старыхъ рынковъ московской и владимірской индустриі. Не имѣя возможности измѣнять природныя условія, московская промышленность, утверждалъ я въ концѣ своего изслѣдованія, должна сдѣлать возможное—должна стремиться уравнивать шансы конкуренціи въ качествахъ своего рабочаго класса,—поднять его умственно и нравственно. То

¹⁾ См. Н. И. Янжуль: „Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва“ Спб. 1907 г., стр. 161.

и другое возможно, предлагалъ я, какъ путемъ измѣненія законодательства, такъ и путемъ развитія самодѣятельности всего промышленнаго класса. Для другой стороны—промышленности Царства Польскаго, я предлагалъ въ своемъ изслѣдованіи, собственно, двѣ мѣры: увеличеніе податнаго обложенія польскихъ фабрикъ (какъ разъ, кажется, отвергнутое недавно нашей Думой) и противодѣйствіе наплыву иностранцевъ или устройству пограничныхъ иностранныхъ фабрикъ, угрожающихъ нашимъ окраинамъ германизацией и составляющихъ прямой обходъ нашихъ таможенныхъ законовъ, одинаково въ ущербъ русскимъ производителямъ и потребителямъ ¹⁾.

Таково было содержаніе моего изслѣдованія промышленности Царства Польскаго, вызванное жалобами и агитаціей московскаго купечества. Никакого, какъ я уже раньше замѣчалъ, практическаго результата, однако, какъ изъ другихъ, болѣе раннихъ изслѣдованій, напримѣръ двухъ инспекторскихъ отчетовъ, не произошло, и правительство собранными данными и выводами, повидимому, совсѣмъ не воспользовалось. Какъ разъ къ концу моего польскаго изслѣдованія, когда я вернулся въ Москву, началось примѣненіе только что выпущеннаго закона отъ 3-го іюня 1886 года (выработаннаго Комиссіей подъ предсѣдательствомъ ф. Плеве); тогда у московскихъ промышленниковъ явились новыя неприятныя заботы, которыя заставили забыть наемную агитацію Г. Шарапова, да кромѣ того и самъ торгово-промышленный кризисъ постепенно кончился, и московскія фабрики начали работать скоро полнымъ составомъ. Поэтому же, вѣроятно, вторая половина изслѣдованія, подобнаго польскому, и по одинаковой программѣ въ московскомъ промышленномъ округѣ, была немедленно забыта, и мое изслѣдованіе осталось такимъ образомъ безъ конца. Впрочемъ, какъ я слышалъ частнымъ образомъ, раньше чѣмъ ушелъ отъ своей службы фабричнаго инспектора, въ министерство Вышнеградскаго, новый министръ, замѣнившій Бунге, былъ очень недоволенъ всѣмъ моимъ польскимъ изслѣдованіемъ и его программой, находя ее, говорили мнѣ, слишкомъ „соціалистической“ (!??), заботившейся только объ интересахъ рабочихъ, забывавшей бѣдныхъ капиталистовъ. Насколько общеизвѣстна политика И. А. Вышнеградскаго, эти слухи и сплетни имѣли несомнѣнное основаніе и привели, вслѣдъ за подачей отчета, къ ликвидаціи дальнѣйшей дѣятельности относительно польской промышленности и большого до сихъ поръ вопроса о пограничныхъ фаб-

¹⁾ См. „Отчетъ И. И. Янжула по изслѣдованію фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ“. Спб. 1888 г.

рикахъ въ Царствѣ Польскомъ, совершенно нерѣшеннаго и нынѣ къ огромному для Россіи экономическому ущербу.

Съ окончаніемъ заданной мнѣ задачи и всего изслѣдованія, возвращаясь въ Москву, откуда меня торопили извѣстія о затрудненіяхъ по случаю примѣненія новаго закона, при проѣздѣ черезъ Варшаву, я наконецъ представился генераль-губернатору Гурко. Кромѣ обязанности вѣжливости, я имѣлъ къ нему просьбу или точнѣе жалобу. Какъ я упомянулъ раньше, вся корреспонденція всѣхъ членовъ Комиссіи, въ томъ числѣ и моя, въ виду нашихъ постоянныхъ разъѣздовъ по фабрикамъ, доставлялась въ канцелярію генераль-губернатора для врученія намъ по требованію и увѣдомленію. При пріѣздѣ въ Варшаву, корреспонденція была мнѣ доставлена отъ имени гр. А. А. Уварова, тогда чиновника генераль-губернатора (а нынѣ члена Государственной Думы), которому почему-то канцелярія генераль-губернатора передала для этой цѣли письма всѣхъ членовъ Комиссіи. Къ моему удивленію и негодованію, многія ко мнѣ письма отъ разныхъ чиновъ финансоваго вѣдомства и пр. оказались распечатанными, а отчасти отсутствующими. Я потребовалъ тотчасъ же въ исполнѣ вѣжливомъ и корректномъ письмѣ объясненія отъ гр. Уварова, но никакого отвѣта на мое законное заявленіе не получилъ; поэтому я счелъ долгомъ о прискорбномъ для меня фактѣ сообщить его начальнику генераль-губернатору Гурко (отцу его товарища), но ни тогда (въ 1886 году), ни понынѣ (въ 1910 году) никакого объясненія этого страннаго со мною поступка точно также не дождался ¹⁾.

Иванъ Янжуль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ См. объ этомъ неприятномъ случаѣ болѣе подробныя свѣдѣнія и объясненія, какъ текстъ самого письма, въ моей книжкѣ: „Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва“. Спб. 1907 г. стр. 144—146.